

Н. А. Рогачева
**ПРОСТРАНСТВО СИБИРИ В ТВОРЧЕСТВЕ
МИХАИЛА ЗЕНКЕВИЧА: ФИЛОСОФИЯ И ПОЭТИКА**

УДК 82(571)

ББК 83.3(253)6

В статье рассматривается структура одного из устойчивых пространственных символов в поэтическом языке М. Зенкевича. Выявляются философские, историко-литературные, документальные истоки образа Сибири, сформированного на скрещивании разнородных традиций, устанавливается диалогический характер поэтики раннего М. Зенкевича. Сибирский ландшафт стал воплощением геософских и историософских идей «адамизма», знаменуя переломный момент в литературном освоении Сибири. В статье показано, как осуществляется переход от внешне описательных текстов о Сибири к представлению сибирского пространства в качестве языка, предназначенного для символизации глубин бессознательного в русской ментальности. На основе сопоставительного анализа поэзии М. Зенкевича, Н. Гумилева, В. Нарбута, А. Ахматовой установлена акмеистская топика сибирского ландшафта и определена его специфика в идиостиле М. Зенкевича. Показано, что для Зенкевича характерна проекция сибирской топки на ландшафтные образы мистических территорий Лемурии, Атлантиды и Гипербореи, память о которых сохраняется в глубинах сознания современного человечества. Авторский миф о Сибири основывается на археологических находках конца XIX — начала XX вв., на эсхатологических построениях русских философов, оккультных теориях Е. Блаватской. Поэтика сибирского пространства (физиологизм, метаморфная структура образности, гротеск, временная многоплановость) коррелирует с представлением о Сибири как о визуальной форме бессознательного начала в европейской культуре, как о пространственной метафоре генетической памяти, которую несет в себе лирический субъект.

Ключевые слова: *Михаил Зенкевич, поэтика, сибирский ландшафт, оккультизм, геософия, «русская идея», акмеизм*

История художественного освоения Сибири содержит ряд рубежей, которыми отмечено радикальное изменение ценностного содержания сибирского локуса в русской словесности. Одним из таких рубежей стал Серебряный век, окончательно закрепивший за восточными территориями России статус символа «русской идеи», роль наглядного доказательства евразийского характера русской культуры, объяснения странностей «русского пути» в истории. Именно Сибирь придает географии России «необъятность» и, следовательно, служит исходным понятием для характеристики русской ментальности в философии конца XIX — начала XX в. Н. А. Бердяевым: «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине. Поэто-

му русскому народу трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их. У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы».¹

Поэзия акмеизма в полной мере отражает ситуацию перехода к этому новому восприятию Сибири. И все же данный аспект художественного пространства акмеистской лирики изучен менее всего, в то время как филологов и культурологов давно привлекает топика Петербурга, Москвы, Урала, Русского Севера, Ураины в произведениях Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама, В. Нарбута.² Отчасти невнимание исследователей объясняется тем, что Сибирь действительно занимает не самое значительное место в истории литературной школы: никто из ее участников не был в Сибири на момент создания «сибирских» текстов.

*Рогачева Наталья Александровна — д.филол.н., профессор кафедры русской литературы, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: tmnnar@mail.ru*

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 44.

² См.: Раскина Е. Поэтическая география Н. С. Гумилева. М., 2006; Прокофьева В. Ю. Русский поэтический локус в его лексическом представлении (на материале поэзии Серебряного века). СПб., 2004; Куликова Е. Ю. Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов. Новосибирск, 2011; и др.

Исключением является отрывок из несохранившегося стихотворения О. Мандельштама, написанного в 1938 г., уже после ареста, и стихотворение А. Ахматовой «С самолета» (май 1944 г.), где образ «рощи кедров» свидетельствует об «окольном», через Сибирь, пути из Ташкента в Ленинград. Вполне закономерным является то, что в работах последних лет осмысливается лишь символика Сибири Осипа Мандельштама в свете трагических обстоятельств его биографии, антитезой которым стал сказочный образ «шубы сибирских степей».³

Имя Михаила Зенкевича — «левого акмеиста», поэта и переводчика, чья судьба сложилась внешне благополучно, — в читательском сознании вообще не связано с Сибирью. Однако в его творчестве был сформирован сибирский ландшафт, в котором геософские и историософские идеи скрещиваются с научными открытиями начала XX в. Этот образ был спроецирован им на различные философские и эстетические системы Серебряного века, в результате чего авторская геопоэтика приобретает диалогический характер.

Сибирская топка Зенкевича входит в общеакмеистский сибирский текст, более всего соотносясь с антропософскими и геософскими построениями Н. Гумилева, в которых Север занимает место исчезнувшей Гипербореи. На другом полюсе этого текста находится поэзия А. Ахматовой с ее преимущественно этической оценкой Сибири как расплаты за «невольный грех русской» интеллигенции.

Две Сибири — Николая Гумилева и Михаила Зенкевича — образуют единый аполлонически-дионисийский символ, смыслы которого в значительной мере обусловлены влиянием зороастрийской философии в интерпретации Фридриха Ницше (ср. упоминание *парсов* в «Северном радже» Н. Гумилева). Гиперборея Ницше — страна осуществленного сверхчеловечества, пространственная и климатическая метафора одиночества и уединенности «антихристианина», отвергающего «тепличную культуру» христианского рабства: «Лучше жить среди льдов, чем под теплыми веяниями современных добродетелей».⁴ Чело-

веческое и пространственно-временное измерение Сибири русских поэтов иное.

Гиперборея Гумилева и Зенкевича воплощает в себе присутствие праистории человечества в современности, именно поэтому она локализована в реальном географическом пространстве. Оба поэта отмечают особую роль водной границы Сибири: «Ледовитым океаном взлеянный край» априорно несет в себе энергию героического преодоления. При этом существенно, что сухопутная, земная граница, которой служит пространство между Уральскими горами и Каспием, не затрудняет, а, напротив, открывает путь, мостит легкую дорогу из Азии в Европу в противоположность устойчивой символической непроходимости пути из России в Сибирь. В стихотворениях М. Зенкевича «Две крови» и «Сибирь» семантика лиминального пространства отмечена признаками пустоты и мягкости (Далее в цитатах курсив наш. — Н. Р.):

Но между марганцем Урала
И Каспием пустырь ворот,
Лишь полая вода спадала,
Песком мостил монголам брод.

И полз со скрипом одноколок
По рыхлому помету стад
Степных пожаров алый полог
За пышным солнцем на закат.⁵

В историческом измерении поэты видят «снежную» Сибирь ярко расцвеченной. Особенно ощутима экзотичность колорита Сибири у Зенкевича здесь встречаются эпитеты: *ляпис-лазурный, кровавый, золотой, пестроверхий*. Колорит сибирского ландшафта Н. Гумилева не менее богат: он включает в себя *синий, белый, черный (чернеть), рыжий, розовый, зеленый* цвета. Но скупая лаконичность цветотописи в сочетании с относительной статичностью образов придают гумилевскому ландшафту Сибири графическую ясность. Север — метафора аполлонического искусства, его волшебного сна («Северный раджа»)⁶. На этом основании Сибирь входит в семантическое поле «своего», помещается в череду человеческих рас: «*Мир наш, зеленый и старый*». Однако расчерченный покров скрывает расплавленные энергии гиперборейского мира: они и просвечивают сквозь белизну северного

³ См.: Сураг И. Мандельштам и Пушкин: Статья вторая: Лирические сюжеты // Новый мир. 2003. № 11. С. 162; Замятин Д. Н. Холод и влага: Образно-географический анализ стихотворения Осипа Мандельштама «Декабрист» // Новый берег. 2011. № 31. URL: <http://novijbereg.net/rask.php?rask=544> (дата обращения: 16.12.2015).

⁴ Ницше Ф. Антихрист: Проклятие христианству / пер. В. А. Флёровой // Собр. соч.: в 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 633.

⁵ Зенкевич М. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М., 1994. С. 69. Далее произведения М. Зенкевича цитируются по приведенному изданию с указанием страниц в тексте работы.

⁶ См.: Раскина Е. Ю. Основные понятия, образы и символы сакральной географии Н. С. Гумилева // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. 2009. Т. 2, № 2. С. 144.

пространства. В будущем, по Гумилеву, место Сибири займет Сахара — пустыня, единственными формами которой служат «текущие песчаные змеи» («Сахара»).

Представление о Северной Азии как о сохранившемся осколке древней Гипербореи было развито в «Тайной доктрине» Е. Блаватской: «...Азия современна человеку, ибо с самого первоначала человеческой жизни его Коренной Материк... уже существовал, и эта часть мира, известная теперь под именем Азии, была лишь в позднейшее время отрезана от него и отделена ледовитыми водами.

<...> Материк, проявленный первым к бытию, покрывал весь Северный Полюс, наподобие цельной, ненарушенной коры...

Во время Второй Расы еще новые земли поднялись из водных глубин, как... Начинаясь на обоих полушариях на линии над самой северной частью Шпицбергена они могли включать на стороне Америки места, ныне занятые Баффиновым заливом и соседствующими островами и мысами. Там земля едва достигала 70° широты в южном направлении; здесь она образовывала материк, в виде лошадиной подковы... из двух концов которого один включал Гренландию с отростком, пересекавшим 50° немного юго-западнее, а другой Камчатку, и оба конца эти соединялись тем, что в настоящее время представляет северную кайму берегов Восточной и Западной Сибири. Этот Материк разъединился и исчез. Лемурия образовалась в ранний период Третьей Расы. Когда она, в свою очередь, разрушилась, появилась Атлантида».⁷

Влияние оккультизма на поэтическую географию Н. Гумилева отмечено в ряде исследований.⁸ Имя М. Зенкевича в данном контексте практически не упоминается, хотя присутствие мотивов «Тайной доктрины» в его стихах не менее ощутимо. В отличие от Гумилева, символический смысл сибирского ландшафта у Зенкевича определяют водные объекты. Отсюда проистекает насыщенность его северных пейзажей образами, связанными с водой (*брод, парная полынья, железноносный Ледовитый океан, студеная вода, золотоносная Лена, влага сладкая, теплая лагунная вода, студеные омуты Иртыша, текущие разли-*

вами реки, Ледовитым океаном взлелеянный край). Водная семантика обнаруживает себя в описании и других природных реалий (*прибой лиственниц и пихт*). Текучесть присуща не только земному, но и космическому пространству («*день — океан из серебра*»; «*Ночь — океан из золота*»; «*Когда размолот и расплавлен сумрак*»). Гиперборейские стихии, лишь намеком присутствующие в северных ландшафтах Гумилева, выводятся у Зенкевича на уровень изобразительного плана текста, создают причудливый рисунок мистической географической карты.

В северных ландшафтах Н. Гумилева доминирует растительный мир: *ели, леса, гати, поле, клевер, сосновые рожи, розовый сад, зеленая Сибирь, дремучие леса*. «Вегетативная» семантика развивается и М. Зенкевичем. Но он значительно превосходит Гумилева в описании животного мира (*рев верблюжий, мамонт, лососи вспенили живорыбные садки, киты, нарвалы, кашалоты, оленья самка, кровавая снесь, моржовый, белый медведь, позвоночника змеиный костяк, лебеди, мороженая туша, нажим хребта, удар кльков желтых, удавный хобот, песцов и медведей следы, мамонтов желтые кости, ржавоколых слонов многоплодные стада, длинношерстный носорог, плезиозавры, чудовищные подобию черных лебедей, змеиные глаза, прожорливое веселье*).

К характерным признакам сибирского мира относится не только явный физиологизм, но и динамичность, метаморфная структура образов. Им соответствует языковой план поэтических текстов — использование сложных эпитетов и оксюморона. Географические пространственные образы и мотивы строятся на сочетании несочетаемого — динамики и статики, живого и мертвого, формы и бесформенности (*окаменелый ил, кипящая пена — мертвые, густые озера — взрывы лихорадочно пульсирующих вулканов*). Именно на основании этих признаков ландшафт Сибири выступает географическим коррелятом бессознательного начала в человеке, пространственной метафорой генетической памяти лирического субъекта. В зримой форме здесь выражена мысль о том, что Сибирь с ее многомерностью равновелика современному европейцу, причем многослойность пространства становится метафорой временных напластований в истории человечества и в душе каждого человека:

⁷ Блаватская Е. Тайная доктрина. Т. 2: Антропогенезис. М., 2015. С. 465, 466.

⁸ См., напр.: Богомолов Н. А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 2000. С. 115–122.

О предки дикие! Как жутко-крепок
Союз наш кровный. Воли нет моей,
И я с душой мятущейся — лишь слепок
Давно прошедших, сумрачных теней
(«Темное родство», с. 53)

Другим истоком акмеистского образа Сибири можно назвать идеи панмонголизма, прозвучавшие в «Повести об Антихристе» В. Соловьева, где панмонголизм рассматривается как угроза европейскому миру, исчерпавшему возможности своего развития. Конец истории, по Соловьеву, означает «поглощение» европейского мира «низшими стихиями», «злой бездной».⁹ В стихотворении «Две крови» (1910) Зенкевич интерпретировал евразийский сюжет «Повести...» как смешение пресных (озерных) и тяжелых, болезненных (нарыв) азиатских (солончаковых) кровей, «рассосавшихся» по всему «телу» России:

Смирись же, дух, и будь бессилён,
Велению не прекословь:
То меж причудливых извилин
С тяжелой кровью спорит кровь... (с. 69)

В другом цикле стихотворений «Дикая порфира», «Темное родство», энергии Гипербореи, с которой современный человек связан «утробным родством», названы «чудовищным последом». Геополитические войны оказываются по сути метафорой болезненной борьбы темной материи Второй расы с европейским духом. По словам А. Кобринского, «у Зенкевича примат “темного”, “низшего” разума над “светлым”, “высшим” очевиден, и он, по мысли автора, служит своеобразным постоянным резервуаром положительного знания, из которого человеку нужно постоянно черпать (ср. в его стихотворении “Человек”). Особо надо выделить мотив генетической памяти, существующей в каждом человеке...»¹⁰

В постоянном отождествлении сферы бессознательного с праисторией и в представлении бессознательного в виде текущих форм, прорывающих тонкий слой аполлонического сна, отчетливо проявляется параллель не только с философией Ф. Ницше, основанной на античных аллюзиях, но и с «Антропогенезисом» Е. Блаватской. В соответствии с ее учением первая раса не имеет тел, но содержит в

себе энергии всех последующих метаморфоз телесности. Причем память материи полнее всего сохранена в вечной мерзлоте северных пустынь. Именно поэтому Сибирь становится географическим коррелятом истории человечества, а находки палеонтологов интерпретируются М. Зенкевичем как послание древней расы к современности. Сибирское пространство в его поэзии имеет причудливые сюрреалистические очертания, форму «арабески», столь популярную в культуре Серебряного века. Такая форма предназначена для фиксации в пространственном художественном образе не контролируемых сознанием состояний, о чем поэт говорит в «фантастических мемуарах» «Мужицкий сфинкс»: «...неуправляемое волей и разумом мое темное подсознательное “я” пропускает через освещенный экран сознания бессвязные смонтированные памятью фантастические по своей путанице обрывки фильмов...» (с. 442).

Сюжет стихотворения «Мамонт» (1915) представляет собой причудливое сплетение оккультных мотивов с аллюзиями, связанным с открытиями начала XX в. Выбор заглавного образа мог быть подсказан сенсационными находками начала XX в., история которых широко освещалась в прессе. В 1901 г. на берегу реки Березовки, притока Колымы, был обнаружен хорошо сохранившийся экземпляр мамонта, перевезенный в 1902 г. в Зоологический музей Санкт-Петербурга. Экспонаты музея послужили поводом для лирических сюжетов не только «Мамонта», но и других текстов, таких как «Зоологический музей», «Сибирь». Физиологические подробности описания, основанного на реальных наблюдениях, переплетаются с мифологическими сказаниями о мамонтах; плоть, не истлевшая в вечной мерзлоте, символически трактуется как прорыв плейстоцена в современность. Тем самым Сибирь становится пространством, где соприкасаются прошлое и настоящее, это сохраненная вечной мерзлотой Вторая раса, согласно антропософским построениям Блаватской, т.е. раса победившей материи.

Слушай —
Словно из шахты ломов звон.
То мамонт, мороженой тушей
Оттаяв, рушит пластов полон.
Все упорней
Нажим хребта и удар клыков,
Желтых с оттаявшей мякотью в корне.
Чу... Лебединый зов

⁹ Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 642, 643.

¹⁰ Кобринский А. А. Заболоцкий и М. Зенкевич: обэриутское и акмеистическое мироощущение // Кобринский А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда: в 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 97.

И гусиный гогот пронзил
 Лопуховые уши,
 Затянутые в окаменелый ил.
 И травоядную мудростью тысячелетий
 кроткий,
 Смотрит на солнце в проломленный лаз
 Исподлобья один прищуренный глаз,
 А хрусталик слезится от золотой щекотки.
 Подними же свой удавный хобот,
 Чудище, оттаявшее в черной крови,
 И громовый гимн прореви
 Титану, подъявшему солнце из гроба! (с. 131)

Обратим внимание на параллелизм визуального и звукового рядов, относящихся к плану настоящего и прошлого: лебеди, гуси, змеи («удавные»), хребет, клыки, хобот мамонта создают графический образ волны; зов, гогот, «словно ломов звон», удары, «громовый гимн», «хрусталик» глаза, рев складываются в дисгармоничную музыку природы. «Мякоть» тела мамонта, «ил», «черная кровь» земли связаны мотивом расплавленной плоти. Эпитеты «лопуховые» и «травоядные» привносят в ряд зооморфных образов вегетативную семантику. Мотив возрождения коррелирует с темой эротического экстаза, обусловленной, возможно, мифологическим отождествлением мамонта и единорога — символа плодородия. Единственный глаз мамонта, который «слезится от золотой щекотки», служит признаком еще не утраченного мистического зрения. Так являет себя праистория человечества в нечеловеческих изначальных формах.

Начиная с «Дикой порфиры» образ Сибири входит в единое пространство «коры вещества» — живой материи, покрывающей Землю, при этом история Сибири и ее геоморфология проецируются на события мировой войны и революции: «сибирское начало» в европейской культуре может означать как затаенную память о прошлом, так и волю к разрушению «аполлонического сна». В географических контурах современной Европы, в телесных формах природы М. Зенкевич видит очертания ископаемых форм. Приведем фрагмент стихотворения «Сибирь» в (1916):

Грезится Полюсу, что вновь к нему
 Ластятся, покидая подводную тьму,
 Девственных архипелагов коралловые
 ожерелья,
 И ночами в теплой лагунной воде
 Дремлют, устав от прожорливого
 веселья,
 Плезиозавры,
 Чудовищные подобию черных лебедей.

И, освещая молнией их змеиные глаза,
 В пучину ливнями еще не канув,
 Силится притупить, надвигаясь, гроза
 Взрывы лихорадочно пульсирующих
 вулканов... (с. 132, 133)

Тождество форм живой и неживой материи, определяющее образную структуру стихотворения, усиливается звуковым сходством слов, которыми человек обозначил природные явления: лексема «плезиозавры» фонетически соотнесена со словосочетаниями: «черных лебедей», «змеиные глаза», «лихорадочно пульсирующих вулканов», с лексемами: «веселья», «гроза», «взрывы». Олицетворение неживой материи («грезится Полюсу», «ластятся... девственных архипелагов коралловые ожерелья», «взрывы лихорадочно пульсирующих вулканов») в обратной проекции предполагает, что человеческий дух повторяет формы природы.

Центральным персонажем, который воплотил в себе этно- и геософию Сибири, стал для поэтов-акмеистов Григорий Распутин. Его фигура связывает тексты Н. Гумилева («Мужик»), М. Зенкевича («Водосвятыя Распутина», «Мужицкий сфинкс»), В. Нарбута («Встреча»), А. Ахматовой («Русский Трианон»). Косвенно, через образы *сруба*, *татарвы*, к судьбе Распутина апеллирует и О. Мандельштам («Сохрани мою речь...»). Согласно поэтической мифологии акмеизма, Распутин совмещает в себе природное и человеческое начала, свое и чужое, современность и архаику. Исторически ему отведена роль катализатора взбунтовавшейся русской крови, поэтому любой из его физиологических или душевных признаков может служить основанием для уподобления Распутина революционной России:

Каптановые льны-лежебоки,
 сморчковое в лице молодом;
 Распутина и (вдруг) англичанки
 белесые, как горе, глаза.
 И в грудь тарыхтит на тачанке:
 недаром ободрал образа...¹¹

Сопоставление английского скакуна и Распутина по цвету глаз — *белесый* (ср.: «бесстрастные глаза англичанки // подсинивала в мыле шлея») — в стихотворении В. Нарбута «Встреча» может показаться достаточно случайным, однако оно наполнено конкретно-историческим смыслом: известно пристрастие к английским традициям последней русской

¹¹ Нарбут В. И. Стихотворения. М., 1990. С. 256.

императрицы, воспитанной при английском королевском дворе. Сходные ассоциации сопровождают тему Распутина в поэзии Анны Ахматовой («Русский Трианон»). Грубоватый фразеологизм «шляя под хвост попала» читается у Нарбута как пророчество о неостановимом стремлении к гибели победителей и побежденных. Причем те же глаза являются и глазами лирического субъекта как носителя общего исторического опыта.

Через осмысление роли Распутина Сибирь в целом начинает восприниматься как эсхатологический рубеж русской истории. В поэзии и прозе М. Зенкевича Распутин — это мертвый герой, пророчествующий среди живых. Известная история убийства сибирского старца трактуется поэтом как новое крещение России в «створоженной мерзлой воде», в свете «призрачного дьявольского автомобиля» («Водосвятъе Распутина» (1916–1922), с. 176). С этого исторического рубежа по одному пути движут-

ся «автомобиль», где «грудой кровавой» едет «вся царская семья креститься огнем», и «заблудившийся трамвай» Н. Гумилева. В «Мужицком сфинксе» именно фигура Распутина связывает главы о Петербурге-Петрограде, привидевшемся повествователю в тифозном бреду, с деревенскими эпизодами «беллетризованных мемуаров». Персонажи второй части несут в себе хлыстовство, скаредность, жалостливость, блудливость, провидчество — отголоски тех энергий, которые выдают в Распутине существо из начальных рас антропогенезиса.

Как видим, в поэзии и прозе М. Зенкевича нашла художественное воплощение эсхатологическая мифология Сибири, сформировавшаяся в культуре Серебряного века. На пересечении разных философских систем и поэтических версий сложился пространственный образ, служащий символом бессознательного устремления к дионисийской стихии, к «концу истории».

Natalya A. Rogachyova

Doctor of Philological Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: tmnna@mail.ru

SIBERIAN SPACE IN MIKHAIL ZENKEVICH'S CREATIVE WORK: PHILOSOPHY AND POETRY

The author studied the structure of one of the established spatial symbols in the poetic language of M. Zenkevich. The philosophical, historical and literary, as well as the documentary sources of the image of Siberia formed as a result of bringing together diverse traditions have been identified emphasizing the conversational nature of the early works by M. Zenkevich. Siberian landscape became a manifestation of the geosophical and historiosophical ideas of 'Adamism' marking a landmark point in the literary development of Siberia. The article demonstrated the transition from the outwardly descriptive texts about Siberia to a representation of Siberian space as a language meant to symbolize the depths of the unconscious in the Russian mentality. On the basis of comparative analysis of M. Zenkevich's, N. Gumilev's, V. Narbut's, and A. Akhmatova's poetry the acmeists' topic of Siberian landscape was described and its specifics in M. Zenkevich's ideostyle was defined. It was demonstrated that for Zenkevich it was characteristic to project the Siberian topic onto landscape images of the mystical territories of Lemuria, Atlantis and Hyperborea, the memory of which was preserved in the depth of the contemporary humans' minds. The author's myth about Siberia was based on archaeological discoveries of the late 19th — early 20th centuries, the eschatological concepts of Russian philosophers, and the occult theories of E. Blavatskaya. The poetics of the Siberian space (physiologism, metamorphic imagery structure, grotesque, temporal diversity) correlated with the understanding of Siberia as a visual form of the unconscious element within the European culture, as a spacial metaphor of genetic memory inherently present in the narrator.

Keywords: *Mikhail Zenkevich, poetics, Siberian landscape, occultism, geosofiya, "the Russian idea" acmeism*

REFERENCES

Berdyayev N. A. *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka* [Russian idea. Main problems of the Russian thought of the XIX century and beginning of the XX century]. O Rossii i russkoy filosofskoy kulture: Filosofiy russkogo posleoktyabrskogo zarubezhya — About Russia and the Russian philosophical culture: Philosophers of the Russian postoctober abroad. Moscow: Nauka Publ., 1990, pp. 43–271. (in Russ.).

- Blavatskaya Ye.** *Taynaya doktrina* [Secret doctrine]. Vol. 2: Antropogenezis. Moscow: Eksmo Publ.; Kharkov: Folio Publ., 2015. 944 p. (in Russ.).
- Bogomolov N. A.** *Gumilev i okkultizm* [Gumilev and occultism]. Russkaya literatura nachala XX veka i okkultizm — Russian literature of the beginning of the XX century and occultism. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000, pp. 112–144. (in Russ.).
- Kulikova Ye. Yu.** *Prostranstvo i ego dinamicheskiy aspekt v lirike akmeistov* [Space and its dynamic aspect in lyrics of acmeists]. Novosibirsk: Svinin i synovya Publ., 2011. 530 p. (in Russ.).
- Prokofeva V. Yu.** *Russkiy poeticheskiy lokus v ego leksicheskom predstavlenii (na materiale poezii «serebryanogo veka»)* [The Russian poetic locus in its lexical representation (on material of poetry of “silver age”)]. St. Petersburg.: RGPU Publ., 2004. 153 p. (in Russ.).
- Raskina Ye. Yu.** *Osnovnye ponyatiya, obrazy i simvolny sakralnoy geografii N. S. Gumileva* [Basic concepts, images and symbols of sacral geography of N. S. Gumilev]. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2009, Vol. 2, no. 2, pp. 143–147. (in Russ.).
- Raskina Ye. Yu.** *Poeticheskaya geografiya N. S. Gumileva* [Poetic geography of N. S. Gumilev]. Moscow: MGI Publ., 2006. 164 p. (in Russ.).
- Solovev V. S.** *Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vsemirnoy istorii* [Three conversations on war, progress and end of a world history]. Sochineniya — Compositions. Moscow: Mysl Publ., 1990. Vol. 2, pp. 4. 635–762. (in Russ.).
- Surat I.** *Mandelshtam i Pushkin: Statya vtoraya: Liricheskie syuzhety* [Mandelstam and Pushkin: Article second: Lyrical plots]. Novyy mir — New world, 2003, no. 11, pp. 154–171. (in Russ.).
- Zamyatin D. N.** *Kholod i vlaga: Obrazno-geograficheskiy analiz stikhotvoreniya Osipa Mandelshtama «Dekabrist»* [Cold and moisture: Figurative and geographical analysis of the poem of Osip Mandelstam “Decembrist”]. Novyy bereg — New coast, 2011, no. 31. (In Russ.) Available at: <http://novijbereg.net/rask.php?rask=544> (accessed 18.01.2015).